

References

1. Abbotson S.C.W. Masterpieces of 20th Century American Drama. Westport. London, 2005, pp. 90–93.
2. Klejman Ju. A. Teatr Judzhina O'Nila i amerikanskaja rezhissura 1920–1930-h gg. St. Petersburg, 2010, pp. 6–9.

ТВОРЧЕСТВО А.-Ч. СУИНБЁРНА В ВОСПРИЯТИИ И ОСМЫСЛЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.¹

Жаткин Дмитрий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Пензенская государственная технологическая академия, 440605, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова / ул. Гагарина, д. 1а/11, e-mail: ivb40@yandex.ru.

Комарова Елена Васильевна, преподаватель, Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, 440028, Россия, г. Пенза, ул. Титова, 28, e-mail: kew84@mail.ru.

Статья посвящена восприятию и осмыслению творчества А.-Ч. Суинбёрна в русской литературной критике первой трети XX в., в своих оценках в течение длительного времени опиравшейся на труды западноевропейских критиков и литературоведов. Исследование строится на появившихся в России в начале XX в. материалах о литературной деятельности английского поэта. Наиболее полный обзор творчества А.-Ч. Суинбёрна был предпринят в 1909 г. Н.А. Васильевым, впоследствии известным ученым-философом. В публикациях 1920–1930-х гг. наметилась тенденция к однолинейному восприятию поэта и его творчества, поддержке его демократических настроений зрелого периода и осуждению позднего Суинбёрна как консерватора и монархиста.

Ключевые слова: А.-Ч. Суинбёрн, русская литературная критика, поэзия, художественный перевод, традиция, межкультурная коммуникация

A.CH. SWINBURNE'S WORKS ANALYSIS IN THE PERCEPTION AND ANALYSIS OF THE RUSSIAN LITERARY CRITICISM OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Zhatkin Dmitriy N., Doctor of Philology, Professor, Penza State Technological Academy, 440605, Russia, Penza, Baydukov ave. / Gagarin st., 1a/11, e-mail: ivb40@yandex.ru.

Komarova Elena V., lecturer, Penza State University of Architecture and Construction 440028, Russia, Penza, 28 Titov st., e-mail: kew84@mail.ru.

This article is devoted to A.Ch. Swinburne's works in the perception and analysis of the Russian literary criticism of the first third of the xx century who had estimated his poetry through the works of West European literary critics. Research is under construction on materials of various publications of the beginning of the XX century in Russia about Swinburne's poetry. The fullest review of his literary works has been done by a scientist and a philosopher N.A. Vasilyev. The tendency to one-linear perception of the poet to acceptance of his democratic views of the mature period and to condemnation of late Swinburne as a conservative and monarchist was outlined in the publications of the 1920s–1930s.

Keywords: A.-Ch.Swinburne, Russian literary criticism, poetry, artistic translation, tradition, intercultural communication

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта по гранту Президента РФ МД-2112.2013.6 «Текстология и поэтика русского художественного перевода XIX – начала XXI века: рецепция поэзии английского романтизма в синхронии и диахронии».

Начало XX века было отмечено появлением в России разнообразных материалов о деятельности известного английского поэта А.-Ч. Суинбёрна (1837–1909). Среди них можно назвать и короткую справку о поэте в № 12 «Нового журнала иностранной литературы» за 1901 г. [4, с. 185], и некрологи, появившиеся в апреле 1909 г. на страницах «Русского слова» [21, с. 3] и «Речи» [29, с. 5], и лаконичные суждения о Суинбёрне на страницах переводных историй зарубежной литературы и искусства. Так, в опубликованном в 1903 г. на русском языке «Обзоре истории всемирной литературы» Ф. Лолье содержатся размышления об Англии и ее поэзии, плодотворность современного этапа развития которой обусловлена в числе прочего и творческой деятельностью Суинбёрна: «...нигде точно так же, в продолжение современного периода, поэтическая культура не была более плодотворна до Теннисона, Броунинга, Суинбёрна и их последователей включительно» [19, с. 85]. В книге Р. Сизерана «Современная английская живопись», перевод которой, выполненный Е. Оршанской, увидел свет в 1908 г., рассказана история «молодых людей, относительно которых никто еще не знал, что из них выйдет», которые приехали из Оксфорда к Д.-Г. Россетти, чтобы «просить <...> указать им путь к идеалу» [24, с. 42]; это были Суинбёрн, У. Моррис и Э. Бёрн-Джонс.

В «Истории английской литературы» В. Томаса, напечатанной в России в 1910 г., отмечены влияния на Суинбёрна классической древности («Аталанта в Калидоне», «Эрехтей»), романтических Средних веков (три серии «Поэм и баллад», «Тристам из Лайонесс» («Tristram of Lyonesse»)), английской истории («Шастеляр», «Босуэлл», «Мария Стюарт», «Марино Фалиеро» («Marino Faliero»), «Розамунда, королева Ломбардии»), после чего особо выделены его сборники «Опыты песен» («Studies in Song») и «Столетие ронделей» («A Century of Roundels»), раскрывшие плодотворность поэтического таланта, «который не удовольствовался восстановлением аллитерации и наиболее редко употребляемых в стихосложении размеров анапеста и дактиля, но и ввел в употребление и создал самые разнообразные строфы» [28, с. 86]. В корреспонденции «Вестника литературы» «Письма из Англии», увидевшей свет в 1905 г., сообщается о выходе тома стихотворений Суинбёрна «Проход через канал и другие поэмы» («A Channel Passage and other Poems»), посвященного Уильяму Моррису и Эдуарду Бёрн-Джонсу – «близнецам по духу, бессмертным, как искусство и любовь» [20, стлб. 47]. Автор «Писем из Англии» М. Лури обращает внимание на включенные в сборник «стихотворения политического характера, в которых затрагиваются, преимущественно, события недавнего прошлого», в частности, на восторженные гимны Англии и Италии и глубокий скептицизм, даже предвзятость по отношению к другим странам и происходящим в них общественным процессам: «Здесь жестоко достается и Франции, расчлененной на партии, и Германии с ее рабами и мужиками, и даже Трансваалу "с его разъяренными от злобы собаками". Для такой силы, как Свинбэрн, подобное отношение совсем не извинительно» [20, стлб. 47]. М. Лури привлекает и группа стихотворений Суинбёрна, посвященных драматургам елизаветинской эпохи, прежде всего – сонет, обращенный к Шекспиру, сближаемому со светящимся солнцем, подобному в душе беспредельному морю.

Многочисленные отклики на творчество Суинбёрна печатались в 1905–1908 гг. в «Весах» – знаменитом журнале русских символистов. В № 1 за 1905 г. увидела свет краткая информация о выходе третьего тома «Собрания стихотворений» английского поэта (Collected Poems. Vol. III. L.: Chatto & Windus, 1904), включавшего вторую и третью серии «Поэм и баллад», в составе которых особо отмечались вызванное известием о смерти Ш. Бодлера стихотворение «Ave Atque Vale», ода на столетие гибели непобедимой армады «Армада» («The Armada»), стихотворение «Сад Кимодоки» («The Garden of Cumodoc») с обращением к острову Сарку, где нашел убежище в годы гонений Виктор Гюго, а также переводы из Сафо и Ф. Вийона [см.: 31, с. 73]. В том же номере «Весов» была напечатана заметка «Первая книга Суинбёрна и Times», кратко пересказывавшая статью из «Fortnightly Review», посвященную истории публикации первой серии «Поэм и баллад» в 1866 г., вызванному ею общественному

резонансу, а также обстоятельствам уничтожения первого тиража книги под давлением одного из обозревателей "Times" [23, с. 79]. Уже в следующем номере (1905, № 2) «Весы» сообщили о выходе последних трех томов шеститомника Суинбёрна, отметив, что «впервые критика и читатели получают возможность обозреть в его целом это замечательное творчество одного из сильнейших английских поэтов и одного из замечательнейших наших современников», и выразив сожаление, что «для России значительная часть произведений Суинбёрна остается под запретом» [32, с. 66].

В анонимном очерке «Искусство и английская публика», напечатанном в № 10 «Весов» за 1906 г., творческая индивидуальность Суинбёрна представлена в историко-литературном контексте, причем его произведениям и ему самому дана емкая характеристика – «голос экстаза»: «Когда-то был у нас Карлайль, который был пророком, и Рёскин, который был жрецом; теперь есть Суинбёрн – голос экстаза, Мередит – голос чистого рассудка, и Гарди – голос земли» [11, с. 70]. С позиций автора очерка Суинбёрн – человек «почти угасшего» поколения, обладающий, помимо лирического вдохновения, «техникой более разнообразной, чем у Шелли, более поразительной, чем у Гюго»; в русской литературе разве что Л.Н. Толстой равен ему по величине, однако вместе они уступают тем сильным умам, что беспристрастно разрабатывают в литературе «отвлеченные вопросы» – бельгийцу М. Метерлинку, французам М. Барресу и Реми де Гурмону [11, с. 70].

Переводная статья Осберта Бердетта «Английская литература за последнее десятилетие. Письмо из Лондона», включенная в № 11 «Весов» за 1907 г., относит Суинбёрна, наряду с Джорджем Мередитом и Томасом Гарди, к числу трех ныне здравствующих английских писателей, «имена которых переживут потомство». Отмечая неустанный творческий поиск и неугасаемый гений стареющего поэта, побуждающего читателей «наслаждаться новыми произведениями, удивляться новым достижениям своей техники», О. Бердетт отдельно упоминает сборник стихов «Проход через канал и другие поэмы», а также «новую трагедию на тему из жизни семьи Борджиа» [33, с. 71]. В статье сделана попытка интерпретации причин отсутствия в английской поэзии «школы Суинбёрна», к подражанию которому обращались лишь явные эпигоны: «...можно справедливо утверждать, что ни Суинбёрн, ни Мередит не создали школы. Подражание Суинбёрну так бросалось бы в глаза, что поэт, которому удалось бы схватить его стиль, навсегда лишился бы права на самобытность; поэтому влияние Суинбёрна заметно лишь в произведениях второстепенных поэтов» [33, с. 72].

В № 6 за 1908 г. «Весь» опубликовали отклик Осберта Бердетта на публикацию в Лондоне новой трагедии Суинбёрна «Герцог Гандийский» ("The Duke of Gandia"), «являющейся результатом беспощадного сжатия», ставшего одновременно и вызовом, и ответом недружелюбной критике, упрекавшей поэта в многословии и несдержанности, в том, что все созданное после «Поэм и баллад», будучи не лишенным достоинств, остается «лишь перепевом его ранней музыки, музыки, ставшей философией целого поколения английской молодежи» [34, с. 78]. В «Герцоге Гандийском» нет прежнего самозабвения, трепетного любования эмоцией, страстью, на смену которым пришли приподнятость, величавость описания: «...в этом <...> произведении стих движется с медлительностью, действительно присущей трагедии. Ожидание поднимается до мрачных высот на паузах, служащих основанием ритму. Строки словно крадутся в бесконечную даль, благодаря ухищрению, к которому здесь постоянно прибегает автор, – перенося смысл строки на первое слово следующей строки и резко обрывая здесь фразу» [34, с. 79]. О. Бердетт не видит для пьесы сценических перспектив в виду «абсолютного отсутствия в большинстве наших актеров поэтического чувства», без которого и Шекспира декламируют, «стараясь читать его стихи как прозу, которая имеет злосчастный недостаток иногда впадать в белый стих» [34, с. 79]. Вместе с тем трагедия «Герцог Гандийский» стала, по мнению критика, «квинтэссенцией стиля Суинбёрна», с беспощадностью освобожденного от всего лишнего, превращенного «почти в скелет», который способен «вовлечь невнима-

тельных читателей в ошибочную оценку значения самой трагедии как произведения искусства» [34, с. 80].

В 1909 г. Н.А. Васильев, впоследствии известный ученый-философ, психолог, создатель «неатристотелевой (воображаемой) логики», профессор Казанского университета, опубликовал две статьи о Суинбёрне – в изданном в Казани литературном сборнике «Творчество» [6, с. 123–136] и в № 8 журнала «Вестник Европы» [5, с. 507–523]. Н.А. Васильев называет «наиболее блестящую триаду современных поэтов Европы», включающую Суинбёрна, Э. Верхарна и К.Д. Бальмонта, причем сразу же отделяет Верхарна, творческое достоинство которого в содержании, «в открытии им для поэзии целой неизвестной доселе области своеобразной и волнующей красоты города-гиганта, города-чудовища», от Суинбёрна и Бальмонта, «обольщающих <...> утонченностью, интимностью чувства и музыкой»: «Их стихи настолько музыкальны, что нам все в их поэзии начинает казаться музыкальным, и чувства, и мысли, и образы, и душа поэта представляются нам грандиозной застывшей музыкой, отзвуки которой звучат в немых черных буквах их творений» [6, с. 123]. Близость Суинбёрна и Бальмонта Н.А. Васильев видит в воссоздании ими «неизведанных красот» родной речи, преобладании «духа бунта, духа мятежа, жажды освобождения, прежде всего освобождения чувственности от условных или необходимых пут общественной традиции», акцентировке мотива «очарования печалью», подобной меланхолии, через которую просвечивает радость неизбежной победы красоты, в женственности стиха с характерной красотой формы, интимностью переживаний, мотивами чувства, тепла и ласки, умении «очаровать и заласкать», наконец, в специфике страдания, совершенно иного, чем у Дж.-Г. Байрона и М.Ю. Лермонтова: «Страдание Байрона и Лермонтова было полно волевого и морального элемента, оно само было почти действием. Меланхолия Бальмонта и Суинбёрна сбросила всякое отношение к воле, стала безвольной, не моральной, а эстетической и ритмической. Мировая скорбь стала личной скорбью. Страдание, которое было раньше аффектом, эмоцией, напряженным стремлением к бурной внешней реакции, стало теперь настроением, нежной рябью чувства и только чувства. Оно потеряло отношение к действию, но зато нашло свою музыку» [6, с. 126; о мотивах байронизма в литературе последующего времени см. также: 12, с. 3–8; 13, с. 137–144; 14, с. 3–6].

Обращая внимание на классическое образование Суинбёрна, полученное в Оксфорде, Н.А. Васильев подчеркивал возникшие в те годы любовь к античной красоте, к подлинному духу эллинизма, стремление вылить «лирические переживания современной души <...> в формы, классические по своей строгости» [6, с. 127], приведшее к созданию трагедий, сама композиция которых обращена не на современного читателя, а на древнего грека с его религиозным мирозерцанием. Более поздними были влияния на Суинбёрна со стороны Шекспира, П.-Б. Шелли, Шарля Бодлера, Виктора Гюго и прерафаэлитов: «У Шекспира учился он мощной обрисовке характеров, но в свои трагедии вложил он свой собственный и оригинальный лиризм. Свообразно преломился в его творчестве мечтательный и фантастический гений Шелли. На него влияли и французские поэты: Виктор Гюго, перед которым он прямо преклонялся, и Бодлер. Бодлером навеяны, напр., “Faustine”, “Dolores”, “The Leper” <...>. Отзвуки Бодлера слышатся и в таких вещах, как “Before a crucifix” или “Hermaphroditus”. Но натурализм Бодлера навсегда остался чуждым Суинбёрну, и чисто бодлеровская тема в “The Leper” передана целомудренно и нежно» [5, с. 515]. Характерные для прерафаэлитов оригинальность жеста и яркость красок отразились у Суинбёрна в оригинальности чувства и живости образов, а их стремление «к реализму формы и к мистицизму, к утонченности, к лиризму содержания», приводившее к сложному симбиозу реалистических и идеалистических тенденций, раскрылось в «возвышенном идеализме» [6, с. 129] английского поэта.

Если в классической трагедии «Аталанта в Калидоне» основным достоинством стали «великолепный белый стих и неподражаемые музыкальные хоры» [6, с. 130], «пробуждение <...> мрачного, великолепного, страшного духа, говорящего на бога-

том языке богов и двигающегося к цели, подобно Судьбе» [5, с. 510], «сочетание классического и современных элементов, мастерски претворенных в гармоническое целое» [5, с. 511], в классическом «Эрехтее» – совмещение трагедии судьбы и трагедии патриотизма, то в трилогии о Марии Стюарт примечательно изображение характера и страстей главной героини – «этой странной женщины, сирены, льнувшей к сердцам, которые она разбивала, сирены, любившей жизнь, если не возлюбленного» [6, с. 130]. Изображая Марию Стюарт, Суинбёрн расходился с современными ему историками, идеализировавшими королеву: «с редким мастерством, с большим даром психологической живописи» он снова возводил ее на эшафот, представляя «развратной, бесхарактерной, коварной женщиной, которая губит одного за другим всех своих возлюбленных» [5, с. 513, 512].

Н.А. Васильев выделяет в качестве основных особенностей суинбёрновской поэзии «удивительную, ни с чем не сравнимую музыкальность», мечтательность, придающее некую искусственность описаниям стремление «символизировать душевные состояния и отвлеченные идеи конкретными чувственными образами», неожиданность метафор, иногда становящихся «совершенно произвольными и дисгармоничными», сочетание разнообразных оттенков чувства и силы фантазии, наконец, отказ от «крайностей горя и радости» при создании образов: «Муза Свинберна, как гомеровская Андромаха, улыбается сквозь слезы» [5, с. 516]. Интимный, глубоко личный характер лирики Суинбёрна проявляется в том, что «в ней нет философии, нет мысли, летящей от скорбного сердца к вселенной, чтобы обнять ее и в ней забыться, а есть чувство, которое невидимыми волнами течет из вселенной в скорбное сердце поэта и заливает его»; это чувство любви – «печальной в восторге страсти и какой-то восторженной в неизбежной печали» [6, с. 130–131]. Красками созвучий и образов поэт, по мнению русского критика, воссоздает в разных произведениях один и тот же портрет женщины-пантеры, ненасытная любовь которой несчастна и непостоянна, наполнена случайными встречами, в связи с чем примечательны избранные и переведенные фрагменты из стихотворений «В конце месяца» (“At a Month's End”), «Фраголетта» (“Fragoletta”) и «Рококо» (“Rococo”) [см.: 6, с. 131].

Другим значимым для лирики Суинбёрна образом, наряду с любовью, оказывается смерть, причем, по наблюдению Н.А. Васильева, для него не столько значима сама смерть, сколько страх смерти. Воспевая в «Гимне Прозерпине» богиню – владычицу царства теней, он призывает не жаловаться на смерть, а восхвалять ее как избавительницу: «Тесно и неразрывно сплетены жизнь и смерть, и в жизни мы живем смертью, ибо тень от смерти падает и на жизнь. И, может быть, смерть является высшей правдой, высшим светом» [6, с. 133]. Приводя в качестве иллюстрации два стиха из «Аталанты в Калидоне» («Тень света есть ночь непроглядная, / А жизнь наша – гибели тень»), Н.А. Васильев сравнивал покой вечности, приносимый смертью, и безрадостность жизни, ставшей тяжким бременем; именно такое мирозерцание вело Суинбёрна к провозглашению эпикурейских ценностей, культа красоты и земных радостей. Чуждость поэту монотеистического мировоззрения, неприятие господствующей религии (иногда в резкой форме, способной оскорбить чувства верующих) вели, по мнению русского критика, как к постоянным колебаниям «между эллинизмом и современным пессимизмом, между древним и новым миром» [6, с. 134], совершенно без учета мистической красоты средневекового католицизма, к приверженности паганизму, созданию гимнов классическому многобожию, так и к антропоцентризму, даже панантропизму, некоей противоположности пантеизма, предполагавшей не погружение человека в мир, а растворение мира в человеке, а также сближавшей Суинбёрна и Шелли: «Человек становится сущностью, центром, средоточием вселенной. И в поэзии Свинберна часто встречаются восторженные гимны человеку, the holy spirit of man – священному духу человека» [5, с. 521]. Не менее важен для Суинбёрна и «солнечный бог свобода», ярко представленный в послании «Уолту Уитмену в Америку» (“To Walt Whitman in America”), других произведениях, наполненных мечтами «о братстве и объединении всех народов, свободных и счастливых»,

«о республике мира» [6, с. 135]; о свободе задолго до Суинбёрна писали Дж. Мильтон, Дж.-Г. Байрон, П.-Б. Шелли, однако и здесь Суинбёрну удалось сказать новое слово, внося в ткань поэтического текста «свой страстный темперамент, свои истерические преувеличения» [5, с. 519].

Суинбёрн – республиканец, восторгающийся освободительным движением в Европе, но при этом и патриот Англии, преданный английской монархии, «часто задорный националист» [5, с. 509], так воспевающий победу Англии над Испанией в стихотворении «Армада» (“The Armada”): «О, Британия, дочь моря, мать могучих моряков! / Дети чтут тебя и любят и забыли лязг оков; / И тебе навевет ветер славу, сказки и мечты. / Всех красивей, всех приятней, всех сильнее – это ты!» (перевод Н.А. Васильева [5, с. 520]); он одновременно и пессимист, и панатропист, что дает, по мнению Н.А. Васильева, не гармонию, а диссонанс мировоззрения, заметно уступающего мироощущению, не позволяющему, в свою очередь, найти объективную истину, оттесняемую силою красоты поэтического слова [см.: 6, с. 136]; он и классик, давший идеальный образец трагедии в духе античности, и модернист, изобразивший «переживания современной души», передавший «дух и музыку модернистской поэзии, богатство ее чувств и разнообразие ее размеров» [5, с. 509].

Предлагая читателям собственные переводы отдельных произведений Суинбёрна, Н.А. Васильев в то же время отмечал, что творчество английского поэта представляет для интерпретаторов «почти непреодолимые трудности»: «Музыка его стиха, которая по всеобщему признанию является его отличительным свойством, едва ли может быть передана в совершенстве на другом языке» [5, с. 508]. Для англичан ранний Суинбёрн – «певец ничем не прикрытой чувственности», греховности, избегающий всего грубого и вульгарного благодаря поэтическому такту, претворяющий «рискованные сюжеты в грациозные <...> вещи» и в то же время получающий от пуританской критики обвинения в отклонении от общепринятых нравственных норм, обвинения, которые «русской публике едва ли показались бы обоснованными», поскольку «русская поэзия пошла куда дальше Свинбёрна в этом направлении» [5, с. 512].

В издававшемся А.А. Городецкой в Екатеринодаре ежемесячном журнале «На Кавказе» (№ 2 за 1909 г.) была напечатана заметка А.Р. «Чарльз Свинбэрн (1835–1909 гг.)» [3, с. 226–228], в названии которой был неточно указан год рождения английского поэта. Компилятивная заметка, повторявшая традиционные суждения о влияниях на Суинбёрна, отмечавшая «удивительную страстность, лирический размах, пластичную красоту изображения и богатый полет фантазии» в «Аталанте в Калидоне», характеризовавшая исполненность «Поэм и баллад» «горячей чувственностью и политическим и религиозным радикализмом» [3, с. 227], вызвавшими обвинения в создании «плотской школы» в искусстве, особо выделявшая свободололюбивое послание к Дж. Мадзини и оду к провозглашению Французской республики, интересна неприятием публикаций Н.А. Васильева как «очень неудачных» [3, с. 228] (о том же писал и автор некролога в «Речи» от 1 (14) апреля 1909 г. [см.: 29, с. 5]). А.Р. выражал надежду, что русское общество в скором времени найдет возможность ближе познакомиться с творчеством Суинбёрна, что «появятся переводы его творений, ласкающие слух изящной простотой формы, полных идеальных порывов, завлекающих страстной откровенностью изображения, будет написана монография, достойная имени Свинбэрна, так незаслуженно неизвестного в России» [3, с. 228].

Суинбёрн упоминается в статье З.А. Венгеровой «Прерафаэлитское братство», включенной в первый том ее собрания сочинений, вышедший под заглавием «Английские писатели XIX века» в 1913 г.: исследовательница характеризует «титанические порывы Свинборна, проникнутого любовью к античной красоте», отмечает, что поэзия Суинбёрна напрямую выросла из «идеалистического настроения» прерафаэлитов, их «чистых восторгов» [7, с. 50]. В.М. Жирмунский, указывая в ранней монографии «Немецкий романтизм и современные мистики» (1914) на историческое отсутствие «перерыва мистической традиции» между романтизмом и символизмом, особенно отчетливо видное в английской поэзии, справедливо утверждал, что «Данте

Габриэль Россетти и прерафаэлиты являются в такой же мере учениками романтиков Кольриджа и Китса, в какой они могут быть названы учителями английских символистов, Вильяма Морриса и Суинбёрна, Берн-Джонса и Оскара Уайльда» [15, с. 191].

После событий 1917 г. в условиях новой исторической реальности начали появляться иные суждения о Суинбёрне, в частности, Э.-Б. Синклер в книге «Искусство Маммоны» язвительно назвал его «божеством», перед которым «все искатели искусства ради искусства творят поклоны» [25, с. 202]. Не менее сатиричны и само название главы, которую Э.-Б. Синклер посвятил Суинбёрну («Вдохновенный попугайчик»), и то объяснение, которое дано этому названию: «Когда он выходил из себя, что могло с ним произойти моментально из-за одного какого-нибудь слова, он как-то конвульсивно начинал дергать руками и ногами, стремительно бегать по комнате, быстро и горячо разговаривая, и иногда даже, в пылу этого разговора, вскакивал на диван, как ярко окрашенный попугайчик» [25, с. 203]. В понимании Э.-Б. Синклера Суинбёрн как творец был не столько мыслителем, сколько чувствованием, в связи с чем нет никакого смысла в определении его слишком противоречивых идейных представлений и гражданских позиций. В «Аталанте в Калидоне» он выводил образы «хорошо известных <...> греческих аристократов» [25, с. 204], тщетно боровшихся со своими богами, в «Поэмах и балладах» – выбрасывал в мир «вдохновенное прославление сексуальных и алкоголических излишеств» [25, с. 205]. Впоследствии воодушевленный, благодаря Виктору Гюго, «пламенем свободы», английский поэт поклонялся французскому писателю «с яростной экстравагантностью и был поборником республиканизма <...>, причем сам не входил ни в малейший контакт с республиканцами» [25, с. 203]. Наивысшим достижением Суинбёрна, по его собственному мнению, был сборник «Песни перед восходом солнца», который Э.-Б. Синклер определяет как «Библию свободы», не оправдавшую чаяний новых поколений: «...надежды Суинбёрна на республиканизм потерпели полное поражение в современном мире. Да, поэту не привелось видеть, как финансовые лорды, эти жирные создания буржуазии, субсидировали автократию (самодержавие) и субсидировали предрассудки как средство рабского закрепощения человеческого ума и тела еще на целое столетие» [25, с. 204].

Имя Суинбёрна упомянуто в отдельных статьях «Литературной энциклопедии», издававшейся с конца 1920-х гг. Так, в статье П.С. Когана «Английская литература» отмечено, что в поэзии Суинбёрна «неясно переплетаются идеалы вечной красоты и защита эксплуатируемых» [17, стлб. 135], в статье А.А. Смирнова «Перевод» названы «замечательные переводы Суинбёрна, обладавшего редким даром языковой ассимиляции и чутьем к чужому языку (переводы из Франсуа Вийона и Теофиля Готье)» [26, стлб. 521]. Наконец, в 1939 г. в 11-м томе «Литературной энциклопедии» увидела свет неподписанная статья, непосредственно посвященная Суинбёрну [27, стлб. 101–103]. В ней указывалось, что, продолжая «традиции революционных романтиков Байрона, Лэндора», Суинбёрн с неприятием и отрицанием обращается к современной ему действительности, восхваляет свободолобие (например, национально-освободительное движение в Италии) и республиканизм, осуждает «устой буржуазной морали», однако не идет дальше «мелкобуржуазного радикализма», а в последние годы вообще начинает «петь гимны британскому империализму, прославляя англо-бурскую войну» [27, стлб. 102]. Изображая в трилогии о Марии Стюарт и в драме «Марино Фалиеро» отдаленное прошлое, Суинбёрн, согласно наблюдению автора «Литературной энциклопедии», стремился и к исторической точности, и к углубленной психологической мотивировке, нередко противопоставляя себя А. Теннисону и Р. Браунингу, «консервативным поэтам викторианской Англии», покрывавшим прошлое налетом идеализации, избиравшим для описания идиллическую тональность: «...изображение античности, средневековья и отдельных эпизодов из истории Англии у Суинбёрна <...> характеризуется подчеркнутой страстностью <...>, враждебностью ко всяким проявлениям пуританского духа» [27, стлб. 102]. Провозглашая свою приверженность прерафаэлизму, Суинбёрн вместе с тем преодолевает границы

этого направления в литературе и искусстве, что проявляется в тяготении к французской поэзии (В. Гюго, позднее – Т. Готье, Ш. Бодлер), подчеркнутым стремлении к музыкальной наполненности стиха, провозглашении принципов, ставших основой для «модернистского эстетизма» О. Уайльда и ряда других, менее известных английских авторов [см.: 27, стлб. 102–103].

В заметке А.Б. Гатова, помещенной в книге «Революционная поэзия Запада XIX века», напечатанной Обществом «Огонек» в 1930 г., Суинбёрн представлен поэтом сложных метаморфоз, пришедшим от «гимнов языческой любви-страсти», созданных «в период аморализма и атеизма», к произведениям «большого революционного пафоса», «резко-обличительным стихам против монархии, возвышенно-идеалистическим гимнам социальной и национальной свободе», а затем превратившегося «из республиканца и революционера <...> в монархиста и империалиста» [8, с. 56]. А.Б. Гатов также воспринимал Суинбёрна как «предтечу символизма, последователя Бодлера» [8, с. 56] в лирике и продолжателя традиций английских авторов елизаветинской эпохи в драматургическом творчестве. Среди других публикаций этого времени следует назвать материал М.П. Алексеева «Сибирская ссылка и английский поэт», который, будучи опубликованным в № 4 «Сибирских огней» за 1928 г. [1, с. 182–193], стал первой и до настоящего времени единственной статьей отечественного литературоведения, посвященной «русской теме» в творчестве Суинбёрна, а также очерк И.А. Кашкина, приуроченный в «Литературной газете» к 100-летию со дня рождения английского поэта, отмечавшемуся в 1937 г. [16].

В вышедшей в 1937 г. «Истории западноевропейской литературы нового времени» Ф.П. Шиллера Суинбёрн представлен писателем, «увлекавшимся декадентскими выступлениями Оскара Уайльда», но ставшим, в связи с «империалистической агрессией Англии», одним из «апологетов английского империализма», «бардом "избранной" англо-саксонской расы», воспринимавшейся им как олицетворение мужественности, доблестности, правдивости [30, с. 159, 160]. Заняв позиции «самых твердых консерваторов» [30, с. 160], Суинбёрн противопоставлял свою «поэзию силы» («здоровую», «сильную» поэзию) прежнему эстетизму, декадансу, раскаивался в былых увлечениях прерафаэлизмом, «чувственно-эротической манерой Россети», поэтическими сюжетами «французских парнасцев, особенно <...> Бодлера и Банвилля» [30, с. 158]. Ему оказались чужды и создававшиеся в зрелый период произведения демократической направленности – «прекрасные стихи о свободе» [30, с. 160], исполненные, подобно поэмам Шелли, «пантеистического понимания природы, титанического протеста против тиранов» [30, с. 159], такие, например, как посвященное смерти Наполеона III стихотворение «Путь в ад» (“The Descent into Hell”, 1873), заканчивающееся словами: “The dog is dead” – «собака мертва», или полные патетических проклятий (в особенности Риму и папству) «Песни перед восходом солнца». В конце творческого пути Суинбёрн «стоит за порабощение Ирландии, поет гимны королеве и делается знаменосцем агрессивного империализма», «удовлетворен своей ролью заурядного шовинистического агитатора» [30, с. 160].

В № 11 журнала «Иностранная литература» за 1938 г. была перепечатана заметка из “Daily Worker”, приуроченная к отмечавшемуся годом ранее столетию со дня рождения английского поэта. Из этой заметки становится известно, что «юбилей не вызвал большого интереса в английских литературных кругах» по целому ряду причин – непривлекательности для современных поэтов поэтической техники Суинбёрна, неприемлемости для «буржуазной морали <...> откровенной чувственно-эротической манеры» поэта, реальной ориентированности Суинбёрна, «обычно почитаемого в качестве духовного отца "чистого искусства" и "искусства для искусства"» [18, с. 250] на политические и социальные проблемы своего времени, во многом утратившие актуальность в последующие десятилетия. Наивысшую оценку автора заметки получили «Песни перед восходом солнца», являющиеся «гимном политической свободе», означающей для Суинбёрна «национальную независимость и национальное единство», причем именно эта политическая и социальная заостренность и

является «наиболее ценной в его творчестве для английского пролетариата» [18, с. 250]. Попутно заметим, что в 1941 г. журнал «Интернациональная литература» вновь написал о Суинбёрне, сообщив, со ссылкой на “The New York Times Book Review”, о «вновь усилившемся в литературных кругах Англии интересе к творчеству известного английского поэта» [22, с. 218], во многом вызванном обнаружением и публикацией ранее неизвестного отрывка из его пьесы о Лукреции Борджиа, а также выходом сборника его избранных произведений в стихах и прозе.

По стечению обстоятельств именно в 1937 г., в столетнюю годовщину со дня рождения Суинбёрна произошло событие, ставшее рубежом в его восприятии в России – под редакцией М.Н. Гутнера увидела свет «Антология новой английской поэзии» [3], впервые представившая наследие поэта как в сравнительно более значительном объеме, так и в существенно более глубоких прочтениях Вл.Г. Зуккау-Невского, В. Исакова, Б.Б. Томашевского, И.А. Кашкина, и давшая импульс к осмыслению суинбёрновского творчества на качественно новом уровне. Во вступительной статье «Английская поэзия с середины XIX века» и в комментариях к текстам антологии, написанным М.Н. Гутнером, Суинбёрн представлен поэтом, в творчестве которого произошел «настоящий <...> крах» викторианского мировосприятия: откликаясь «запоздалым эхом» на творчество Дж.-Г. Байрона и П.-Б. Шелли в то время, когда большинство поэтов-викторианцев ориентировались на Дж. Китса, Суинбёрн как певец национально-освободительного движения в Италии не смог «подняться до подлинного демократизма Шелли», как защитник прав «естественного человека», издававшийся над пуританским ханжеством и лицемерием, он выродил «здоровую эротику» Дж.-Г. Байрона и П.-Б. Шелли «в воспевание всяческих извращений», первым начал «пересаживать на английскую почву бодлеровские "цветы зла"» [9, с. 9]. Трагедия «Аталанта в Калидоне», по мнению М.Н. Гутнера, продолжила традиции «Раскованного Прометея» П.-Б. Шелли, где «боги являются враждебной человеку силой» [9, с. 9], утверждала необходимость борьбы против всякой религиозной опеки. Наряду с этим «Аталанта в Калидоне» отразила и «эллинистические пристрастия поэта», напомнив своими хоровыми партиями античную трагедию; «образцом для любовной лирики Суинбёрна тоже служит греческая эротическая поэзия, в своей обнаженной чувственности столь непохожая на идиллии викторианцев» [10, с. 432]. М.Н. Гутнер четко разграничивал поэзию прерафаэлитов и творчество Суинбёрна: если прерафаэлиты стремились к «чувственной конкретности образа», следуя традициям средневекового искусства, то Суинбёрн сближал поэзию с музыкой, нередко превращал стихи в «безостановочное течение аллитераций, перекликающихся друг с другом звуков – звуков без образов и красок» [10, с. 432]. Постепенное вырождение лирики Суинбёрна в «буржуазно-радикальную болтовню» не позволяет М.Н. Гутнеру считать его «потомков левых английских романтиков»; он «прямой предшественник с одной стороны – буржуазных декадентов, с другой – империалистических "активистов" – Хенли и Кипплинга» [9, с. 9].

Как видим, в оценках творчества Суинбёрна русская литературная критика на протяжении длительного времени опиралась на труды западноевропейских критиков и литературоведов, что отразилось как в анонимных компилятивных статьях в периодических изданиях, так и в первых основательных, хотя и не бесспорных, исследованиях творческой судьбы английского поэта, предпринятых Н.А. Васильевым. В публикациях 1920–1930-х гг. наметилась тенденция к однолинейному восприятию поэта и его творчества, приятию его демократических, антиклерикальных, гуманистических настроений зрелого периода и осуждению позднего Суинбёрна как консерватора и монархиста.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Сибирская ссылка и английский поэт / М. П. Алексеев // Сибирские огни. – 1928. – № 4. – С. 182–193.

2. Антология новой английской поэзии / вступ. ст. и комм. М. Н. Гутнера. – Ленинград : Художественная литература, 1937. – 454 с.
3. А.Р. Чарльз Свинбэрн (1835–1909) / А.Р. // На Кавказе (Екатеринодар). – 1909. – № 2. – С. 226–228.
4. Альженор Свинбэрн // Новый журнал иностранной литературы. – 1901. – № 12. – С. 185.
5. Васильев Н. А. Поэзия Свинберна / Н. А. Васильев // Вестник Европы. – 1909. – № 8. – С. 507–523.
6. Васильев Н. А. Свинбэрн / Н. А. Васильев // Творчество : лит. сб. – Казань : типолит. И. С. Перова, 1909. – С. 123–136.
7. Венгерова З. А. Собрание сочинений. Т. I. Английские писатели XIX века / З. А. Венгерова. – Санкт-Петербург : Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – 191 с.
8. <Гатов А. Б.> Чарльз-Альджернон Суинбэрн: [Биогр. справка] / <А. Б. Гатов> // Революционная поэзия Запада XIX века / ред., пояснит. тексты А. Б. Гатова. – Москва : Общество «Огонек», 1930. – С. 56.
9. Гутнер М. Н. Английская поэзия с середины XIX века / М. Н. Гутнер // Антология новой английской поэзии / вступ. ст. и комм. М. Н. Гутнера. – Ленинград : Художественная литература, 1937. – С. 3–24.
10. Гутнер М. Н. Комментарии / М. Н. Гутнер // Антология новой английской поэзии / вступ. ст. и комм. М. Н. Гутнера. – Ленинград : Художественная литература, 1937. – С. 427–446.
11. Искусство и английская публика // Весы. – 1906. – № 10. – С. 70–72.
12. Жаткин Д. Н. Пери в русской поэзии / Д. Н. Жаткин, А. П. Долгов // Русская речь. – 2007. – № 3. – С. 3–8.
13. Жаткин Д. Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840–1850-х гг. / Д. Н. Жаткин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2008. – № 3. – С. 137–144.
14. Жаткин Д. Н. «Лебедь Авзонии» / Д. Н. Жаткин // Русская речь. – 2008. – № 1. – С. 3–6.
15. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современные мистики / В. М. Жирмунский. – Санкт-Петербург : Тип. А.С. Суворина, 1914. – 206 с.
16. Кашкин И. А. Алджернон Чарльз Суинбэрн: К 100-летию со дня рождения / И. А. Кашкин // Литературная газета. – 1937. – 20 апреля.
17. Коган П. С. Английская литература / П. С. Коган // Литературная энциклопедия : в 11 т. / отв. ред. В. М. Фриче. – Москва : Изд-во Коммунистической академии, 1929. – Т. 1. – Стлб. 121–138.
18. К столетию со дня рождения Суинберна : [Из «Daily Worker»] // Интернациональная литература. – 1938. – № 11. – С. 250.
19. Лолье Ф. Обзор истории всемирной литературы / Ф. Лолье ; пер. с франц.; под ред. В. В. Битнера. – Санкт-Петербург : изд. В.В. Битнера, 1903. – 88 с.
20. Лури М. Письма из Англии / М. Лури // Вестник литературы. – 1905. – № 2. – Стлб. 46–47.
21. Могучий Н. Свинбэрн : [Некролог] / Н. Могучий // Русское слово. – 1909. – 1 апреля. – С. 3.
22. Неизвестное произведение Суинберна : [Из «The New York Times Book Review»] // Интернациональная литература. – 1941. – № 1. – С. 218.
23. Первая книга Суинберна и Times : [Из «Fortnightly Review»] // Весы. – 1905. – № 1. – С. 79.
24. Сизеран Р. Современная английская живопись / Р. Сизеран; пер. Е. Оршанской. – Москва : изд. В.М. Саблина, 1908. – 240 с.
25. Синклер Э.-Б. Вдохновенный попугайчик / Э.-Б. Синклер // Синклер Ултон. Искусство Маммоны: Опыт экономического исследования. – Ленинград : Прибой, 1926. – С. 202–205.

26. Смирнов А. А. Перевод / А. А. Смирнов // Литературная энциклопедия : в 11 т. / гл. ред. А. В. Луначарский. – Москва : Советская энциклопедия, 1934. – Т. 8. – Стлб. 512–532.
27. Суинберн // Литературная энциклопедия : в 11 т. / гл. ред. А. В. Луначарский. – Москва : Советская энциклопедия, 1939. – Т. 11. – Стлб. 101–103.
28. Томас В. История английской литературы / В. Томас; пер. с франц. – Санкт-Петербург : изд-во «Вестника знания», 1910. – 95 с.
29. Чарльз Суинберн : [Некролог] // Речь. – 1909. – 1 (14) апр. (№ 87). – С. 5.
30. Шиллер Ф. П. История западноевропейской литературы нового времени : в 3 т. / Ф. П. Шиллер. – Москва : Гос. изд-во худ. лит., 1937. – Т. 3. – 444 с.
31. Algenor Charles Swinburne. Collected Poems. Vol. III. Chatto and Windus. London, 1904 // Весы. – 1905. – № 1. – С. 73.
32. Algenor Charles Swinburne. Poems. Vol. IV–VI. Chatto and Windus. London, 1904 // Весы. – 1905. – № 2. – С. 66.
33. Bardett О. Английская литература за последнее десятилетие. Письмо из Лондона / О. Bardett // Весы. – 1907. – № 11. – С. 71–78.
34. Bardett О. Новая трагедия Суинберна. Письмо из Лондона / О. Bardett // Весы. – 1908. – № 6. – С. 78–80.

References

1. Alekseev M. P. Sibirskaja sсылка i angliiskij pojet // Sibirskie ogni, 1928, № 4, pp. 182–193 (in Russ.).
2. Antologija novoj angliiskoj pojesii. Leningrad, Hudozhestvennaja literature, 1937. 454 p. (in Russ.).
3. A.R. Charles Swinburne (1835–1909) // Na Kavkase (Ekaterinodar), 1909, № 2, pp. 226–228. (in Russ.).
4. Algenor Swinburne // Novyj zhurnal inostranoj literatury, 1901, № 12, pp. 185. (in Russ.).
5. Vasil'ev N. A. Poesija Swinberna // Vestnik Evropy, 1909, № 8, pp. 507–523. (in Russ.).
6. Vasil'ev N. A. Swinburne // Tvorchestvo. Kasan', tipolit. I.S. Perova, 1909, pp. 123–136. (in Russ.).
7. Vengerova Z. A. Sobranie sochinenij. T. I. Anglijskie pisateli XIX veka. Saint-Petersburg, «Prometej», N.N. Mihailov Publ., 1913. 191 p. (in Russ.).
8. <Gatov A. B.> Algenor Charles Swinburne: [Biogr. spravka] // Revolucionnaja poezija Zapada XIX veka. Moscow, Ogonjok, 1930. p. 56. (in Russ.).
9. Gutner M. N. Anglijskaja poezija s serediny XIX veka // Antologija novoj angliiskoj pojesii. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura, 1937, pp. 3–24. (in Russ.).
10. Gutner M. N. Kommentarii // Antologija novoj angliiskoj pojesii. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura, 1937, pp. 427–446. (in Russ.).
11. Iskusstvo i anglijskaja publika // Vesny, 1906, № 10, pp. 70–72. (in Russ.).
12. Zhatkin D. N., Dolgov A. P. Peri v ruskoj poezii // Russkaja rech'. 2007, № 3, pp. 3–8. (in Russ.).
13. Zhatkin D. N. Anglijskaja romanticheskaja poezija v russkih perevodah 1840 – 1850-h gg. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja Philologija, 2008, № 3, pp. 137–144. (in Russ.).
14. Zhatkin D. N. «Lebed' Avzonii» // Russkaja Rech', 2008, № 1, pp. 3–6. (in Russ.).
15. Zhirmundskij V. M. Nemeckii romantizm i sovremennye mistiki. Saint-Petersburg, Printing House of A.S. Suvorin, 1914. 206 p. (in Russ.).
16. Kashkin I. A. Algenor Charles Swinburne: K 100-letiju so dnja rozhdenija // Literaturnaja gazeta, 1937, 20 apr. (in Russ.).
17. Kogan P. S. Anglijskaja literatura // Literaturnaja Jenciklopedija : in 11 vol. Moscow, Kommunisticheskaya Akademy Publ., 1929, Vol. 1, Stlb. 121–138. (in Russ.).
18. K stoletiju so dnja rozhdenija Swinburne : [Iz «Daily Worker»] // International'naja literatura, 1938, № 11, p. 250. (in Russ.).

19. Lol'e F. Obzor istorii vseмирnoj literatury. Saint-Petersburg, V.V. Bitner Publ., 1903. 88 p. (in Russ.).
20. Luri M. Pis'ma iz Anglii // Vestnik literatury, 1905. № 2, Stlb. 46–47. (in Russ.).
21. Mogucij N. Swinburne : [Nekrolog] // Russkoe slovo, 1909, 1 apr., p. 3. (in Russ.).
22. Neizvestnoe proizvedenie Swinburne : [Iz «The New York Times Book Review»] // Internacional'naja literatura. 1941, № 1, p. 218. (in Russ.).
23. Pervaja kniga Swinburne i Times : [Iz «Fortnightly Review»] // Vesny, 1905, № 1, p. 79. (in Russ.).
24. Sizeran R. Sovremennaja anglijskaja zhivopis'. Moscow, V.M. Sablin Publ., 1908. 240 p. (in Russ.).
25. Sinkler Je.-B. Vdohnovennyj popugajchik // Sinkler Ulton. Iskusstvo Mammony: Opyt jekonomicheskogo issledovaniya. Leningrad, Priboj, 1926, pp. 202–205. (in Russ.).
26. Smirnov A. A. Perevod // Literaturnaja Jenciklopedija : in 11 vol. Mosow, Sovetskaya jenciklopedija, 1934. Vol. 8. Stlb. 512–532. (in Russ.).
27. Swinburne // Literaturnaja Jenciklopedija : in 11 vol. Moscow, Sovetskaya jenciklopedija, 1939. Vol. 11. Stlb. 101–103. (in Russ.).
28. Tomas V. Istorija anglijskoj literatury. Saint-Petersburg, Vestnik znaniya Publ., 1910. 95 p. (in Russ.).
29. Charles Swinburne: [Nekrolog] // Rech'. 1909. 1 (14) apr. (№ 87). p. 5. (in Russ.).
30. Shiller F.P. Istorija zapadnoevropejskoj literatury novogo vremeni : in 3 vol. – Moscow, GIHL, 1937. Vol. 3. 444 p. (in Russ.).
31. Algenor Charles Swinburne. Collected Poems. Vol. III. Chatto and Windus. London, 1904 // Vesny, 1905, № 1, p. 73. (in Russ.).
32. Algenor Charles Swinburne. Poems. Vol. IV–VI. Chatto and Windus. London, 1904 // Vesny, 1905, № 2, p. 66. (in Russ.).
33. Bardett O. Anglijskaja literatura za poslednee desjatiletie. Pis'mo iz Londona // Vesny, 1907, № 11, pp. 71–78. (in Russ.).
34. Bardett O. Novaja tragedija Swinburne. Pis'mo iz Londona // Vesny, 1908, № 6, pp. 78–80. (in Russ.).

СТИХИИ ПРИРОДЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА К.Д. БАЛЬМОНТА

Татанова Дамет Максумовна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: tatanovadm@mail.ru.

Предметом исследования статьи являются стихотворения поэта, посвященные стихиям природы. Цель – исследование поэтического восприятия К. Бальмонтом стихий природы в общей картине мира, нарисованной поэтом. Методологическая база – сравнительно-типологический и герменевтический методы. Обращение к малоизученным философским проблемам, звучащим в поэзии Бальмонта, определяет актуальность данной работы.

Ключевые слова: стихия, огонь, вода, земля, воздух, Вселенная, картина мира, миропонимание, мотив, символ, целостность, многоаспектность

ELEMENTS OF NATURE IN ART PICTURE OF PEACE K.D. BALMONT

Tatanova Damet M., post-graduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev St., e-mail: tatanovadm@mail.ru.

The subject of research of the article are poems of the poet dedicated to the elements of nature. Purpose of the article is to study poetic perception by K. Balmont elements of nature in the overall picture of the world, drawn by the poet. Methodological base is com-